

Много тайн и легенд хранит Санкт-Петербург. Одну из них рассказал профессиональный писатель и одновременно целитель душ человеческих, профессор-психиатр, основатель первого в России Хосписа, Андрей Владимирович Гнездилов, больше известный в определённых кругах города как «Сказочник Балун» или «Старинный Приятель Балун».

Якобы в устье Невы находилось проклятое место, где были найдены следы от «стопы дьявола». В дальнейшем, чтобы уничтожить эти следы и нейтрализовать отрицательную энергетику этого места, там построили храм – Смольный собор. Это место находилось примерно в том районе, где Нева, словно чего-то испугавшись, от чего-то отпрянув, делает крутой вираж и резко огибает бывший «Смольный двор», вокруг которого потом возник городской район Пески. В этом районе живёт профессор Гнездилов и хранит его легенды и тайны...

Ансамбль «Смольного Воскресения Христова собора всех учебных заведений» даже в своём незавершённом виде производит неизгладимое впечатление. Уже издали он вызывает восхищение, обладая странным, мистическим свойством как бы «уменьшаться» при подходе к нему, не утрачивая своей величественности. Даже не испытывающие пиетета к стилю барокко профессиональные зодчие отдавали должное этому творению Растрелли, совершенству его пропорций и изяществу декоративного убранства. Говорили, что архитектор Джакомо Кваренги,

представитель противоположного взгляда на зодчество, несмотря на свой непримиримый характер и откровенную враждебность по отношению к Растрелли, останавливался напротив главного входа в Смольный собор, поворачивался к нему лицом, снимал шляпу и восклицал: «Ессо una chiesa!» («Вот это храм!»). Но почему не была построена грандиозная колокольня высотой 140 м, на 18 м выше шпиля колокольни Петропавловского собора? Какими обстоятельствами руководствовались власти, отказавшись от такого «полного уничтожения» дьявольской стопы? Кто конкретно оказался заинтересованным в отмене первоначального проекта и возможно ли довести замысел гениального Растрелли до конца?

Именно дочь царя Петра Великого, великая княжна и будущая императрица Елизавета Петровна хорошо знала Смольный двор. Здесь, в Смольном дворце, провела она свои детские годы. Здесь же в царствование Анны Иоановны она жила под неусыпным надзором Бирона. По преданию, всесильный герцог, прячась за оградой в одежде простого немецкого ремесленника, лично следил за Елизаветой, подозревая её в заговоре. И именно здесь Елизавета Петровна задумала возвести монастырь, чтобы, удалившись от мирской суеты, жить и молиться в окружении 120 девиц-сирот. Строительство Смольного монастыря велось с небывалым размахом. Но начинается Семилетняя война с Пруссией, и возведение храма прекращается. Царица умирает, так и не дождавшись освящения Смольного собора. На долгое время о Смольном соборе как бы забыли. Почему? Сказалась всё та же энергетика «проклятого места»? Почему величественный храм простоял без внутренней отделки и не освящённым 60 лет? Как получилось, что храм был осквернён ещё до его освящения, так как в нём повесился священник? (Всё-таки 22 июля 1835 года храм освятил митрополит Серафим). Кто конкретно стоял за этими испытаниями для Смольного собора?

Если следовать даже общеизвестным фактам, то именно в этом месте, где находится Смольный, зародилась братоубийственная революция. В 1923 году так же, как и четыре домовые православные и одна лютеранская церкви Смольного, Смольный собор, ставший к тому времени простым приходским храмом, был закрыт. Сейчас он – концертный зал широкого профиля. В основном здесь поют хором и устраивают выставки. Многих горожан удивляет, что столь известное церковное сооружение так и не вернули церкви. В настоящий момент храмом Смольный собор не являет-

ся, стены гладко выбелены, как в любой галерее. Не является ли это тоже проявлением чар «проклятого места»? Не пора ли довершить то, что когда-то задумали члены таинственного братства, о котором поведал нам профессор Гнездилов, и с его материальной реставрацией довершить его храмовое возрождение? Не взывает ли к нам этот великий храм своими сорванными в бурю крестами, ведь в последние годы именно с него падают кресты? (Последний раз Смольный собор пострадал от урагана 16 июля 2001 г. Непогода жестоко обошлась со Смольным собором: основной купол собора в результате штормового ветра лишился четырёхметрового креста, конструкция которого была снесена порывами метра. Ещё один крест на соборе был частично повреждён, но устоял на месте. Упавшими деревьями были разбиты несколько окон Смольнинского ансамбля).

Но вернёмся к рассказу профессора Гнездилова. Его история, произошедшая в начале 70-х годов уже прошлого века, кажется невероятной. В его дом-мансарду, где находилась скульптурная мастерская его матери, Нины Конрадовны Слободзинской, приходил некий фотограф Стрекалов. Он фотографировал готовые работы и рассылал фотографии заказчикам. Однажды, разговорившись с Гнездиловым, он обнаружил общее увлечение эстетикой вееров. Посмотрев его коллекцию, он сказал, что хочет пригласить Гнездилова к себе домой, чтобы показать веер особо редкой работы, которого Гнездилов никогда не видел и, может быть, никогда не увидит. Тот последовал приглашению, и он показал ему действительно удивительный веер из слоновой кости, инкрустированный перламутром, с выдавленными профилями на гардах. Полотно изображало сцены из дворцовой жизни XVIII века работы Буше. Это оказался веер Марии Лещинской, французской королевы, жены Людовика XV.

Не успел восхититься Гнездилов, как Стрекалов сделал ему второй сюрприз: «Я хочу подарить Вам столовый гарнитур – старинные кресла, стулья и раздвижной стол, который ранее имел крестообразную форму». Гнездилов запротестовал, заявляя, что подарок слишком дорог, но Стрекалов заметил, что выполняет заветное желание одного общества, в котором эта мебель носила ритуальный характер и должна была находиться в мансардном помещении.

Далее Стрекалов и поведал историю, более похожую на сказку. Суть её заключалась в том, что в начале XX века в Санкт-Петербурге существовало «Башенное братство». Оно объединяло людей, живших в мансардах, и в основе его организации

лежала вышеприведённая легенда о «проклятом месте» Санкт-Петербурга. Башенное братство, по-прежнему, стремилось его нейтрализовать – крестным знамением на плане города.

Первое здание в Петербурге, Петропавловская крепость, была построена в форме креста. Далее, если соединить все храмы и церкви, которые когда-то существовали в городе и есть поныне по периметру одной линией, то получится второй крест. А третий крест был намечен при основании Петербурга, если соединить Кронштадт с Лисьим Носом, Сестрорецком, Петергофом, Ораниенбаумом, Стрельной и т. д. Все эти кресты должны были защищать сердце Санкт-Петербурга и уничтожать его отрицательную энергетику.

Члены Башенного братства создавали четвёртый крест из своих мансард. Потому ритуальная мебель располагалась вокруг крестообразного стола и переносилась из мансарды в мансарду Хранителя, где происходили их встречи. Детали их ритуалов трудно воспроизвести, но известно, что они выходили на крышу и общались через зеркала солнечными зайчиками. Известно также, что Вячеслав Иванов, чья башня над Таврическим садом (ближайшая к Смольному) была посещаемая всей литературной элитой Петербурга, вначале состоял какое-то время членом этого братства. Таким образом, это была мебель, на которой сидели Рерих, Ахматова, Цветаева, Блок, Бальмонт, Волошин, Гумилёв, Белый, Кузмин, Иванов и т. д. – культурная элита города, среди

Петропавловская крепость

них – поэты-пророки, художники-пророки, провозвестники Будущего России и мира.

В дальнейшем Гнездилову удалось встретить человека, жившего по соседству с Вяч. Ивановым в том же доме, который удостоверял, что мебель, которую Стрекалов подарил ему, он видел в башне Вячеслава Иванова.

Башня Вячеслава Иванова
на Таврической ул.

Спустя какое-то время, рассказывал далее профессор Гнездилов, Стрекалов умер. Но появилась книга, составленная по частным собраниям коллекционеров Санкт-Петербурга, где он встретил знакомый веер французской королевы. В подписи было сказано, что веер принадлежал коллекции князя Владимира Владимировича Оболенского (Стрекалова).

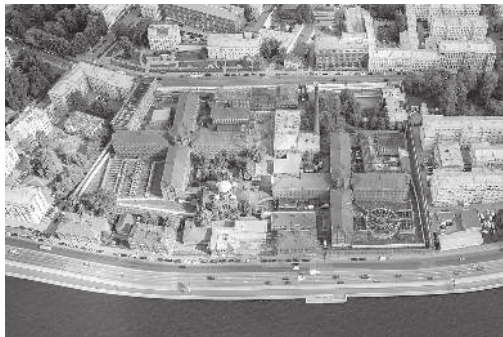
Возможно, будущие исследователи смогут найти ответы на следующие вопросы:

1. Почему князю Оболенскому понадобилось скрываться под другой фамилией Стрекалова? Не для того ли, чтобы сохранить для будущих поколений реликвии и традиции таинственного Башенного братства?

Смольный собор

2. Кто ещё, кроме князя Оболенского и Иванова, входил в это братство? Возможно ли указать ещё другие башни города и привести связанные с ними предания? Правда ли, что память и, возможно, какие-то реликвии Башенного братства хранил петербургский композитор Арсений Арсеньевич Смольевский, о котором нам рассказывали несколько коренных петербуржцев?

План тюрьмы «Кресты»

Композитор А.А. Смольевский сочинял произведения весьма созвучные идеям всечеловеческого Братства, среди них есть сочинения на темы картин Н.К. Рериха и созвучные темы. По счастливой случайности, именно ближайшая родственница Рерихов, Людмила Степановна Митусова, сохранила его ноты. И Гнездилов, и Митусова, и Смольевский были знакомы между собой, и для всех, кто их знает и знал, являлись и являются хранителями традиций исконной Петербургской культуры. Из выше названных лиц лишь Гнездилов может лично рассказать об этих традициях, остальных уже нет с нами...

По-видимому, можно считать, что история Башенного братства Санкт-Петербурга – не выдумка досужего ума, но реальность, такая же, как существование ритуальной мебели в реальной башне в доме профессора Гнездилова, что на углу Ковенского переулка и улицы Радищева. С башни Гнездилова отлично виден Смольный собор, главная святыня Башенного братства, под башенной крышей установлены колокола, время от времени своим особым звоном освящающие великий город...

